

Choosing the Syntactic Construction: Type of Situation and Other Factors

Grigorian Elena Leonidovna*

Associate Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

The syntax can be considered as a system of representations of situations. The correlation between syntax and semantics is not always one-to-one correspondence. A particular syntactic representation is determined not only by the real-world parameters of the situation represented and by the speaker's perception but also by a number of pragmatic factors, namely, the communicative organization of utterance, emphasis, etc. The paper deals with the interaction of semantic and pragmatic factors in choosing a particular syntactic structure (considering some constructions in Russian). For many situations, there is more than one possible syntactic representation, including those with identical lexical components; the analysis of such data reveals the inherent semantics of syntactic structures, contrastive contexts and non-standard usage being particularly informative in this aspect.

Keywords: Syntax, Syntactic Representations of the Situations, Pragmatics, Impersonal Constructions, Passive Constructions.

Выбор синтаксической конструкции: тип ситуации и другие факторы

Григорьян Елена Леонидовна¹

Доцент, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

Синтаксис может рассматриваться как система способов представления ситуаций, как своего рода каталог типовых ситуаций, причём в плане корреляции структуры и семантики языковой материал неоднороден и часто эта связь не прямая и не однозначная. Способ представления ситуации определяется не только её реальными характеристиками и перцептивными моментами, но также определёнными прагматическими факторами – коммуникативной организацией высказывания и др. В докладе рассматривается соотношение семантических и прагматических факторов в выборе синтаксической структуры высказывания применительно к некоторым конструкциям русского языка. Для многих денотативных ситуаций возможно более одного способа синтаксического представления, в том числе при полном или почти полном сохранении лексического состава, что даёт возможность выявления собственно синтаксической семантики, особенно в контекстах противопоставления; кроме того, специфика синтаксической структуры проявляется в наибольшей степени в нестандартных употреблениях (то есть с глаголами, для которых такая конструкция нехарактерна).

Ключевые слова: Синтаксис, Синтаксическая Семантика, Синтаксическое Представление Ситуации, Прагматика, Безличные Конструкции, Пассивные Конструкции.

1. E-mail: grigorjanelena@yandex.ru

Введение

Синтаксис может рассматриваться как система способов представления ситуаций, подобно тому, как лексика и словообразование служат средством репрезентации объектов. Термин «ситуация» понимается здесь в самом широком смысле и охватывает любые положения дел, статические и динамические

Представление о синтаксических структурах как о моделях ситуаций не является новым или оригинальным. Вместе с тем не всегда очевидно, какие именно параметры ситуаций кодируются синтаксическими способами. В плане корреляции структуры и семантики языковой материал явно неоднороден и для большинства конструкций эта связь не прямая и не однозначная. Традиционно для некоторых типов конструкций русского языка, в частности неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных, указываются значения (для безличных – список значений, не совпадающий у разных авторов); в то же время для самых распространенных личных структур такой перечень, как правило, не дается. Чем более употребительна и нейтральна конструкция, тем меньше она имплицитно несет какую-либо семантику. Это особенно наглядно в отношении конструкции «одушевленное подлежащее + глагол в форме действительного залога» – контекстно независимой, стилистически немаркированной и совместимой с предельно широким кругом обозначаемых ситуаций, который в принципе невозможно очертить. В русском языке, как и во многих других, такая конструкция типична для ситуаций действия, но может обозначать и другие процессы и явления, в том числе результат воздействия извне, состояние, возникшее в результате действия или вызванное другими причинами, а также восприятие, отношение, положение в пространстве и др., причем то или иное прочтение далеко не всегда определяется однозначно глаголом: многие глаголы могут называть как действия, так и другие типы ситуаций.

Существует ряд работ разного времени, направленных на построение глобальных классификаций синтаксических структур с точки зрения их семантики; описание может идти как от структур к выражаемым значениям или типам ситуаций, так и от типа ситуации к способам её синтаксического воплощения. Ограничимся упоминанием двух работ, в наиболее полной мере разрабатывающих данную задачу.

С одной стороны, это известная в своё время монография (Волохина, Попова 2003), которые ввели термин «синтаксический концепт» и попытались дать полный обзор синтаксических концептов русского языка вместе со списком конструкций и примерами для каждого из них; в компактном и, на наш взгляд, более чётком изложении эта концепция дана в работе (Попова 2007). Предлагаемая авторами классификация так называемых синтаксических концептов представляется непоследовательной: практически для всех выделяемых концептов предлагаются целые списки синтаксических структур, к тому же в основном повторяющихся и для других концептов. Подобный разнобой, в сочетании с большим и, на наш взгляд, логически непоследовательным списком концептов, не позволяет считать этот текст классификацией в строгом понимании этого слова. Не менее заметный недостаток – привязка тех же концептов (хотя и называемых синтаксическими) к лексической семантике предикатов (Попова 2007. 376) и даже к общему содержанию высказывания, включая контекст. Поэтому представляется спорным, насколько предлагаемые концепты можно считать синтаксическими.

Посвящённая в целом совершенно другим аспектам работа (Бергельсон 2007) также анализирует интересующую нас проблему. Автор исходит из понятия прототипического значения, типового для той или иной конструкции, т.е. регулярно выражаемой данным синтаксическим способом, а все случаи несоответствия прототипу описываются, например, как «действие в облинии

состояния – *мне не пишется*», ... «отношение под видом действия – *касаться, содержать, вместиать*» и т.п. (Бергельсон 2007. 219); при этом остаётся неясным, имеется ли в виду просто использование конструкции в нетипичном (вторичном) для неё значении или же имеет место переосмысление, иная интерпретация ситуации (в последнем примере мы не усматриваем акциональной семантики).

В статье будет рассмотрена лишь часть синтаксической системы русского языка, но часть ядерная, которая, на наш взгляд, может рассматриваться как её каркас. Многие из выдвигаемых далее положений применимы не только к русскому языку и в целом соответствуют общим типологическим тенденциями, см. (Григорьян 2015), (Григорьян 2016).

Основная часть

При исследовании синтаксической семантики возникает принципиальная проблема разграничения собственно синтаксической и лексической семантики: очевидно, что любая синтаксическая конструкция воплощается каждый раз в конкретном лексическом материале, в связи с чем оказывается проблематичным отделить собственную семантику структуры от её лексического заполнения и от знаний о мире. Нам представляются эффективными два метода выявления собственно синтаксической семантики, отделения её от лексической, а также от конситуативной информации.

Для многих денотативных ситуаций возможно более одного способа синтаксического представления, в том числе при полном или почти полном сохранении лексического состава (в терминах синтаксической типологии – различные диатезы одного глагола). Применительно к таким структурам показательны, с одной стороны, примеры нейтрализации, когда одна и та же ситуация обозначается в тексте дважды, разными синтаксическими конструкциями; с другой стороны, ещё более ценны контексты контраста,

противопоставления двух возможных синтаксических способов. Может быть применён и чисто лингвистический эксперимент (в понимании Л.В. Щербы): перефразирование с заменой структуры, которое позволяет выявить возникающие при этом смысловые сдвиги.

Кроме того, синтаксическая (и вообще грамматическая) семантика ярче всего проявляется в нестандартных употреблениях, то есть с глаголами, для которых такая конструкция нехарактерна, или применительно к ситуациям, для которых данный способ синтаксического представления нетипичен. Как отмечает Ш. Балли, в повседневной речи люди употребляют те или иные грамматические формы бессознательно, следуя сложившемуся обыкновению, а не в результате сознательного выбора с целью выразить или подчеркнуть те или иные смыслы; таким образом, синтаксические конструкции функционируют скорее как стереотипы, за которыми уже не осознаётся какое-либо осмысление обозначаемой реальности. В полной мере изобразительность языковой формы проявляется только в авторских употреблениях и особенно в инновациях (Bally 1920. 10).

Так, уже упоминавшаяся конструкция «одушевленное подлежащее + глагол в форме действительного залога», совместимая, казалось бы, едва ли не с любым типом ситуации, в нестандартных употреблениях обычно имплицитно, в большей или меньшей степени, значения агентивности, каузальности, контроля (которые взаимосвязаны). Если в обычных, «типовых» употреблениях структур, то есть применительно к описанию действий, эти семантические корреляции неочевидны в силу естественности такого способ выражения, то в нестандартных употреблениях связь подлежащего с вышеперечисленными значениями становится явной:

*/1/ Он вытянул свою смугловатую шею, склонил набок голову,
засверкал глазами, поднял вверх руку (Чехов).*

В данном примере описывается выступление в суде, целенаправленное действие оратора; ср. *глаза у него засверкали*, что могло бы описывать и непроизвольную реакцию.

/2/ Ровно в 12 часов гости, вытянув физиономии, пробираются из всех комнат в залу (Чехов).

Ср. стандартное (*у гостя*) *вытянулась физиономия*, описывающая непроизвольную реакцию, неконтролируемое изменение мимики; в данном же случае гости создают видимость скорбных чувств.

С другой стороны, связь этой конструкции со значениями каузации, контроля и намерения, которые приписываются одушевленному подлежащим, ярко выступает в сопоставлении её с деагентивными конструкциями (конструкциями, в которых агент либо вообще устранён, либо не имеет статуса подлежащего); употребление таких конструкций часто связано с ослаблением данных значений или с выражением противоположных – неконтролируемости, независимости ситуации от соответствующего партиципанта

/3/ И, вот, отчаявшись (рук не чувствую) – какую попало [картошку]: раздавленную, мороженую, оттаявшую ... Мешок уже не вмещает. Руки, окончательно окоченев, не завязывают (М. Цветаева).

/4/ Он хотел быть спокойным, но было то же. Палец его прижимал гашетку прежде, чем он брал на цель птицу (Л. Толстой).

Сравнение примера /4/ с конструкцией с обычным агентивным подлежащим – *он нажимал гашетку* – показывает неконтролируемость или, во всяком случае, ненамеренность действия; пример /3/ *руки не завязывают* также показателен: неполная зависимость ситуации от агенса может быть выражена и другой деагентивной конструкцией – *мешок не завязывается*; из

сопоставления этих двух вариантов становится очевидно, что в приведённом примере подлежащее *руки* приобретает оттенок каузального значения.

Аналогично, если обратиться к безличным конструкциям русского языка – этому общему месту в работах по русской языковой картине мира (особенно это касается конструкции с дополнением в творительном падеже), – в обычных, стандартных употреблениях синтаксическая структура, казалось бы, ничего не вносит в общее содержание высказывания. Если сопоставить пары предложений типа *Лодку унесло течением/ Лодку унесло течение* или *Течение унесло лодку; Дорожки засыпало снегом/ Дорожки засыпал снег, дороги замело/ метель замела дороги*, то очевидно, что семантика неконтролируемости, стихийности, традиционно связываемая с подобными безличными конструкциями, сохраняется и в соответствующей личной конструкции (если и можно выявить какие-то отличия в двух синтаксических вариантах описания подобных ситуаций, то это скорее отличие актуального членения, о чём будет сказано ниже). С другой стороны, если обратиться к нестандартным употреблениям, как в следующем примере, в них соответствующее значение неконтролируемой, стихийной ситуации вносится исключительно синтаксической конструкцией, ср.:

/5/ С тобой нас нынче затесало В толпу глазающих зевак (А. Блок)

В отличие от стандартного *мы затесались*, употребление безличной конструкции указывает на неконтролируемый характер ситуации: она возникла не по воле людей, которые оказались в толпе, а сложилась стихийно. Ср. также:

/6/ У него был сын, младший (старших побило на войне) ...
(Шукшин).

Сравнение с другими возможными и более вероятными способами представления подобных ситуаций выявляет специфику данной конструкции.

Ср. *старших убили на войне* – в неопределенно-личной конструкции подразумеваются люди, гибель сыновей представлена как результат их действий; *старшие погибли на войне* – смерть сыновей показана как автономное событие в отвлечении от действующей причины. В приведённом же примере присутствует момент стихийности, война представлена как нечто подобное стихийному бедствию.

Кроме того, с безличными конструкциями связано значение «страдательности», пациентивности, в англоязычной литературе обозначаемое как *affectedness*, см. подробнее (Григорьян 2014). В таких предложениях часто передаётся в первую очередь восприятие, ощущение: ср. *он обжёгся* – результат действия, *его обожгло* – ощущение (или, возможно, серьёзный физический ущерб). Показательно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев. Характерные для безличных конструкций так называемые дативные и посессивные субъекты, в свою очередь, типичны для описания перцептивных и иных аффективных ситуаций; датив – наиболее типичная форма для экспериенцера (в терминах падежной грамматики). Также нагляден перечень значений для безличных конструкций этого типа, приводимый в работе (Janda 2008. 983): *damage, death, injury, discomfort, uncontrolled experience*. Этот тип ситуаций в работе (Розина 2000) определяется как «происшествия», в отличие от действий, применительно к ситуациям восприятия и передаче ощущений, соответственно, как «перцептивные происшествия».

В противопоставлении пассивным конструкциям, для которых также характерно пациентивное значение, *affectedness* – в силу связи с результативностью, типичной для пассивов в разных языках, и с фокусировкой внимания на объекте действия (в типичном случае пациентивном элементе), ярко выступает признак стихийности (на самом деле присутствует далеко не во всех безличных предложениях).

Что касается страдательных конструкций в плане представления определённых типов ситуаций, традиционно пассив с полным основанием считается производной и маркированной структурой, тогда как актив с агентивным подлежащим принято рассматривать как исходный, немаркированный и нейтральный вариант; однако для описательных текстов соотношение противоположное. Так, пассивная конструкция типа *стол был покрыт кружевной скатертью* является нейтральным, немаркированным способом для описания положений, возникших в результате действия; это вполне объяснимо, так как в типичном случае причастные пассивы (в основном без агентивного дополнения) выражают состояния, связаны со статичностью, эвиденциальностью и т.д. Другие синтаксические варианты представления таких ситуаций – структуры действительного залога – маркированы (содержат дополнительные признаки) и ограничены в употреблении. Та же денотативная ситуация может передаваться и действительной конструкцией типа *стол покрыли кружевной скатертью*, которая описывает состояние через указание на действие или событие, приведшее к данному состоянию, т.е. представляет собой метонимический (и ретроспективный) способ представления ситуации. Ср. следующий пример, где присутствуют оба названных способа:

71/ На конверте Ганин равнодушно узнал косой, крупный, очень правильный почерк. Марка была наклеена вниз головой, и в углу толстый палец Эрики оставил жирный след. Конверт был крепко надушен (Набоков).

В примере можно видеть два способа изображения ситуации, представшей перед героем произведения: обычный, нейтральный, с помощью пассивной конструкции – *Марка была наклеена (вниз головой)*, *конверт был надушен* – и метонимический, ретроспективный, через предшествующее действие *палец Эрики оставил след*.

Для таких же описательных контекстов существует ещё один синтаксический способ – типа *кружевная скатерть покрывала стол*, т.е. конструкция, реализующая производную диатезу действительного залога, в которой подлежащим является не агенс, а средство (инструмент и другие родственные значения); этот способ является эмфатическим вариантом представления этой же ситуации, выделяющим актанта, оформленный как подлежащее:

/8/ *Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк затягивал потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь*
(М. Булгаков).

Соответствующая пассивная конструкция *потолок был затянут зеленым шелком* является нейтральной, более «естественной», обычной для описания подобной ситуации.

Примечательно, что в описательных контекстах могут также употребляться пассивные конструкции с выраженным агентивным дополнением или иным способом указания на причину, которая привела к наблюдаемому положению дел; в этом случае они совмещают два способа изображения: как статическая картина, представшая перед реальным или условным наблюдателем, и как восстанавливаемая предшествующая ситуация, приведшая к наблюдаемому положению, вернее, отдельные её элементы, отсутствующие в момент наблюдения (мыши в /9/, буря и люди в /10/, угли и папиросы в /11/):

(9) *Мой дядя Петр Демьяныч... заметил, что переплет его синтаксиса изъеден мышами* (Чехов).

(10) *Железная когда-то зеленая крыша, давно не крашеная, краснела от ржавчины, и несколько листов были задраны кверху,*

вероятно бурей; тес, которым был обшит дом, был ободран местами людьми, обдиравшими его там, где он легче отдирался ... (Л. Толстой).

(11) *Всё прожжено от падающих углей и папирос* (М. Цветаева).

Ср. ??*Всё прожгли падающие угли и папиросы* – возможный, но явно экспрессивный вариант, выделяющий подлежащие.

Таким образом, можно отметить некоторые корреляции, выступающие в контекстах противопоставления (контраста) и в нестандартных, маркированных употреблениях. Так, конструкции действительного залога с одушевлёнными подлежащими имплицитно указывают на ситуацию намеренного контролируемого действия; причастные пассивные конструкции) – значения состояния, результативности. Безличные предложения – стихийные неконтролируемые события, а также происшествия, в первую очередь перцептивные. Другой синтаксический способ указания на перцептивные происшествия – диатезы действительного залога, в которых подлежащим является не агенс, а актант со значением средства или под. (как в примерах /3/ и /4/).

Может возникнуть вопрос: почему мы не наблюдаем в реальной речи, в реальных текстах прямого соответствия типа структуры и типа ситуации, которые были обрисованы выше?

Дело в том, что, во-первых, достаточно часто одна и та же ситуация может быть концептуализирована и как действие, и как перцептивное происшествие, и, например, как состояние (возникшее в результате действия или иного события) и т.д., и получить, соответствующее выбранной концептуализации синтаксическое воплощение. Так, например, одна и та же ситуация в одном тексте (из газеты «Вечерняя Москва») названа дважды:

*/12/Если бы Тунгусский метеорит опоздал в своё время на 4 часа,
Питер стёрло бы с лица земли (подзаголовок);*

/13/ ...*Город был бы стёрт с лица земли* (далее в тексте).

В примере /12/ ситуация представлена как стихийное явление, в /13/ как результат – без указания причины, вызвавшей данное состояние. В принципе такое указание совместимо и с агентивной ситуацией, когда уничтожение города является результатом действий людей, например, бомбардировки или штурма с последующим целенаправленным разрушением; но в данном случае такое прочтение не соответствовало бы контексту).

В следующем примере одна и та же ситуация описана двумя способами: как действие человека и как «представление действия как самодовлеющего, независимого от человека события» (Арутюнова 1998. 806):

/14/ *Крикнул я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну; само крикнулось...* (Достоевский).

Ср. также альтернативные способы описания в следующем примере:

/15/ *Но когда донес уж свой поклон, увидал, что возле нее стоит Ягузинский, Папка. И тут герцога Ижорского несколько отшатнуло... Но отшатнулся герцог Ижорский всего на одну минуту...* (Ю. Тынянов).

Безличная форма подчеркивает произвольность (а также, возможно, ощущение персонажа), тогда как форма *отшатнулся* употреблена в предложении, говорящем о том, что он вновь обрел некоторый контроль над своим поведением.

Во-вторых, синтаксические структуры отражают не только характер ситуации, но также и определённую коммуникативную структуру, актуальное членение высказывания, и предложение может оказаться перестроенным в соответствии с иерархией актантов по коммуникативному весу; таким

образом, на семантические закономерности наслаиваются прагматические тенденции. С одной стороны, в разных языках действует тенденция к совпадению подлежащего с темой высказывания, а с другой стороны – к совпадению подлежащего с коммуникативно выделенным, акцентируемым элементом, на котором фокусируется внимание; он может быть как тематическим, так и рематическим.

Так, например, если безличная конструкция является обычным и нейтральным способом описания стихийных событий, а также перцептивных и иных аффективных происшествий, то описание подобных ситуаций при помощи личных конструкций обычно бывает обусловлено прагматическими факторами и связано с дополнительными функциями: подлежащее (соответствующее дополнению в творительном падеже в безличной конструкции или – иногда – обстоятельством предложно-падежным формам) получает больший коммуникативный вес, является коммуникативно выделенным элементом:

/16/ *И радость вдруг **перехватила** ей дыхание* (Чехов).

В данном примере подлежащее **радость** акцентируется, имеет больший коммуникативный вес по сравнению с безличным *и от радости у неё **перехватило**¹ дыхание*.

/17/ *Пол ещё ходил под господином из Сан-Франциско – так **закачал** его дрянной итальянский **пароходшко*** (Бунин).

Слово *пароходшко* явно находится в фокусе эмфазы, что подчёркивается также определением *дрянной*. Ср. ... *так **закачало** его на **пароходшке***.

1. Существенным является также лексический аспект: для некоторых глаголов (в определенных значениях) более типично безличное употребление.

/18/ И мечта уносила меня всё дальше и дальше от безнадёжного мрака тесной юрты. Казалось, меня обдавал свободный ветер, в ушах гудел рокот океана, садилось солнце, залегали синие мороки, и моя лодка тихо качалась на волнах пролива (Короленко).

Название стихии в последнем примере явно выделено, оно включено в ряд ярких образов (рокот океана и др.), возникающих в воображении рассказчика. Ср. *меня обдавало свободным ветром*, что передавало бы скорее сосредоточенность на ощущениях, а не на актантах (ветре и т.д.) как на отдельных сущностях.

Высокий коммуникативный статус подлежащего и, соответственно, более низкий статус других актантов согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее > прямое дополнение > прочие*. Естественно, что отсутствию в подлежащего автоматически повышается коммуникативный ранг прямого дополнения и других актантов – дативных или генитивных (поссесивных), что и наблюдается в безличных конструкциях

Оформление какого-либо элемента ситуации как подлежащего можно уподобить высвечиванию прожектором или крупному плану. В описательных текстах подлежащее указывает деталь, на которой останавливается взгляд и внимание рассказчика или персонажа (как в приведённом выше примере /16/ и в комментарии к примеру /20/. Ср. также:

/19/ [Я посмотрел ему в лицо: отроду не видал я ничего подобного. Вообразите себе, любезный читатель, маленького человека, белокурого, с красным вздёрнутым носиком и длиннейшими рыжими усами.] Остроконечная персидская шапка с малиновым суконным верхом закрывала ему лоб по самые брови. Одет он был в жёлтый истасканный архалук с чёрными плисовыми патронами на груди и

полиялыми серебряными галунами по всем швам; через плечо висел у него рог, за поясом торчал кинжал (Тургенев).

Ср. *Его лоб по самые брови был закрыт остроконечной персидской шапкой* – страдательная конструкция, как уже отмечалась, более типична для описательных текстов. Однако в примере /4/ шапка выделена как яркая деталь. Это выражается также в наличии определений и в прогрессии *шапка – рог – кинжал*: форма подлежащего сама по себе уже последовательно выделяет яркие детали, на которых останавливается взгляд.¹

Таким образом, прагматические факторы связанные, в частности, с коммуникативными задачами, могут переигрывать относительно устойчивые семантические корреляции между синтаксической структурой и типом обозначаемой ситуации.

Заключение

Вырисовывается фрагмент общей системы, её ядро; эта схема охватывает не весь синтаксический репертуар русского языка и не все значения рассмотренных конструкций, однако отражает, как нам представляется, узловые моменты и выявляет некоторые общие принципы организации и функционирования синтаксической системы.

Рассмотренные типы конструкций – личные конструкции действительного залога, безличные и страдательные конструкции, которые мы считаем базовыми для синтаксической системы русского языка, представляют ситуацию, соответственно, как действие, как стихийное явление и как состояние, возникшее в результате действия или предшествующего события, и являются нейтральными (немаркированными, обычными, неэкспрессивными)

1. Ср. также данные психолингвистических экспериментов, свидетельствующих о тенденции к совпадению подлежащего с наиболее ярким (vivid) элементом (Osgood, Bock 1975), (McWhinney 1977).

обозначениями ситуаций данных типов. Вместе с тем, как следует из проведённого анализа, значимым фактором также является передача восприятия, перцептивный момент: по крайней мере это наглядно выступает в художественных текстах литературной традиции, сложившейся ещё в XIX в., внимательной к внутреннему миру человека.

Из этого также следует, что рассмотренные выше категории – действие, состояние, происшествие и т.п. – не являются характеристиками реальности, не предопределяются ею однозначно, а представляют собой способы концептуализации. Для реальных ситуаций, как правило, возможны альтернативные способы представления, хотя для конкретной ситуации не все концептуализации одинаково вероятны, а некоторые могут быть и вовсе исключены. Таким образом, различия синтаксических структур могут указывать не только на различия некоторых параметров реальных положений дел, но и на различия в концептуализации идентичных ситуаций. Кроме того, ситуация может быть охарактеризована косвенно, через указание на смежную ситуацию – своего рода метонимический приём. Так, действие может подразумеваться при указании на связанное с ним состояние и наоборот.

Однако помимо характера ситуации и способа её представления, в формирование синтаксической структуры вмешиваются прагматические факторы, прежде всего коммуникативная структура высказывания, которые могут привести к переструктурированию того, что определяется типом денотативной ситуации.

Литература

- 1- Арутюнова Н.Д. (1998). *Язык и мир человека*. – Москва: Изд-во «Языки русской культуры».
- 2- Бергельсон М.Б. (2007). *Прагматическая и социокультурная мотивированность языков формы*. – Москва: Изд-во «Университетская книга».

- 3- Волохина Г.А., Попова З.Д. (2003). *Синтаксические концепты русского простого предложения*. – Воронеж: Изд-во «Истоки».
- 4- Григорьян Е.Л. (2014). *Семантическая категория пациентивности (affectedness) и её синтаксические реализации*// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. – С. 28–35.
- 5- Григорьян Е.Л. (2015). *Об этнокультурной интерпретации синтаксических моделей* // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. – Краков: Изд-во «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». – С. 265–272.
- 6- Григорьян Е.Л. (2016). *Уникальное или универсальное? (применительно к русским безличным предложениям)* // XLIV Международная филологическая научная конференция 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов. – Санкт-Петербург. – С. 197–198. – http://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/2465/2465.pdf?1457974380.
- 7- Попова З.Д. (2007). *Эволюционная природа синтаксической концептуализации* // Филология и культура. Материалы VI международной научной конференции 17–19 октября 2007. – Тамбов: Изд-во «ТГУ им. Г.Р. Державина». – С. 389–393.
- 8- Розина Р.И. (2000). *От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона)* // Русский язык сегодня. 1. – Москва: Изд-во «Азбуковник». – С. 418–432.
- 9- Bally Ch. (1920). *Impressionisme et grammaire*. – Sonor.
- 10- Janda L.A. (2008). *Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective* // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*. Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. – Москва: Изд-во «Языки славянских культур». – С. 970–988.
- 11- MacWhinney B. (1977). *Starting Points* // *Language*. Vol. 53. № 1. – P. 152–168.
- 12- Osgood C.E., Bock J.K. (1975). *Salience and Sentencing: some production principles* // *Sentence Production: Developments in Research and Theory*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 89–14.

Bibliography

- 1- Arutjunova N.D. (1998). *Jazyk i mir cheloveka*. – Moskva: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 2- Bergel'son M.B. (2007). *Pragmaticheskaja i sociokul'turnaja motivirovannost' jazykov formy*. – Moskva: Izd-vo «Universitetskaja kniga».
- 3- Volohina G.A., Popova Z.D. (2003). *Sintaksicheskie koncepty russkogo prostogo predlozhenija*. – Voronezh: Izd-vo «Istoki».

- 4- Grigor'jan E.L. (2014). *Semanticheskaja kategorija pacientivnosti (affectedness) i ejo sintaksicheskie realizacii*// *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Vyp. 2. – S. 28–35.
- 5- Grigor'jan E.L. (2015). *Ob jetnokul'turnoj interpretacii sintaksicheskikh modelej // Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijah XXI veka. T. 2: Lingvisticheskij analiz na grani metodologicheskogo sryva*. – Krakov: Izd-vo «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». – S. 265–272.
- 6- Grigor'jan E.L. (2016). *Unikal'noe ili universal'noe? (primenitel'no k russkim bezlichnym predlozhenijam) // HLIV Mezhdunarodnaja filologicheskaja nauchnaja konferencija 14–21 marta 2016 goda. Tezisy dokladov*. – Sankt-Peterburg. – S. 197–198.
 - http://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/2465/2465.pdf?1457974380.
- 7- Popova Z.D. (2007). *Jevoljucionnaja priroda sintaksicheskoi konceptualizacii // Filologija i kul'tura. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 17–19 oktjabrja 2007*. – Tambov: Izd-vo «TGU im. G.R. Derzhavina». – S. 389-393.
- 8- Rozina R.I. (2000). *Ot proisshestvij k dejstvijam (Semanticheskaja derivacija kak sposob popolnenija obshhego zhargona) // Russkij jazyk segodnja. 1*. – Moskva: Izd-vo «Azbukovnik». – S. 418–432.
- 9- Bally Ch. (1920). *Impressionisme et grammaire*. – Sonor.
- 10- Janda L.A. (2008). *Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective // Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sb. st. v chest' E.V. Paducevoj*. – Moskva: Izd-vo «Jazyki slavjanskih kul'tur». – S. 970–988.
- 11- MacWhinney B. (1977). *Starting Points // Language*. Vol. 53. № 1. – P. 152–168.
- 12- Osgood C.E., Bock J.K. (1975). *Saliency and Sentencing: some production principles // Sentence Production: Developments in Research and Theory*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 89–14.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Григорьян, Е. (2019). Choosing the Syntactic Construction: Type of Situation and Other Factors. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 117-135.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.117

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/83>

انتخاب ساختار نحوی: نوع موقعیت گفتاری و عوامل دیگر

لنا لئونیدوونا گریگوریان^۱

دانشیار، دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،

راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

نحو را می‌توان در جایگاه یک نظام از شیوه‌های بیان موقعیت‌های گفتاری و مجموعه‌ای از موقعیت‌های گفتاری معمول تحلیل و مطالعه کرد؛ از جهت دیگر از نظر یکپارچگی ساختار و معنائشناسی، محتوای زبان ناهمگن و اغلب این نوع ارتباط در آن به صورت غیرمستقیم است و معانی و مفاهیم مختلفی را در بر می‌گیرد. شیوه بیان یک موقعیت گفتاری نه تنها به ویژگی‌های عینی و شرایط و عوامل ادراکی بستگی دارد، بلکه به عوامل خاصی از قبیل ساختار شکل‌گیری ارتباط گفتاری و غیره نیز وابسته است. این مقاله رابطه بین عوامل معنایی و کاربردی در انتخاب ساختار نحوی گفتار در رابطه با بعضی از ساختارهای زبان روسی را بررسی می‌کند. برای بسیاری از موقعیت‌های گفتاری مشخص، ممکن است بیش از یک ساختار نحوی با ترتیب کامل یا تقریباً کامل ترکیب واژگانی وجود داشته باشد که امکان‌پذیر شدن معنای خاص یک ساختار نحوی مشخص را به‌ویژه در متون با مفهوم متضاد فراهم می‌آورد؛ علاوه‌براین، ویژگی‌های ساختار نحوی در کاربردهای غیر استاندارد بیشتر به چشم می‌آید (به عبارتی در ترکیب با افعالی که در این ساختار نحوی مشخص کمتر استفاده می‌شوند).

واژگان کلیدی: نحو، معنای نحوی، بیان موقعیت گفتاری با ساختار نحوی، کاربردشناسی، ساختارهای نحوی بدون شخص، ساختارهای نحوی مجهول.